

Семья унесла — 2002 —
1-7 июля —
с. 50-55

Еще недавно Юлию Рутберг и Алексея Кортнева называли красивой семейной парой. Со стороны казалось, их жизнь похожа на сказку, в которой нет места злости, предательству, а есть только любовь и верность. И вдруг сказка в одночасье закончилась... В прошлом году Рутберг и Кортнев расстались.

— Юлия, до сих пор не верится в то, что вы с Алексеем расстались. Красивая сказка закончилась или ее не было?

— Все было. Но сегодня вокруг нашей истории столько слухов и вранья, что из нее пытаются сделать пирожок попикантнее. Гадкое занятие. Я скажу вам то, что считаю нужным, и закрою тему... Была и сказка. И 10 лет счастья. Правда, не безоблачного. Когда бок о бок живут два таких эмоционально заряженных человека, как мы с Алешей, об этом не может быть речи. Конечно, между нами случалось всякое. И уставали друг от друга, и раздражались, несколько раз даже готовы были разойтись. Характеры у нас — не дай Боже. И во мне, и в Леше есть то, что трудно вынести, но есть и прекрасные качества, за что мы и ценим друг друга. Я и сейчас отношусь к нему с глубочайшим уважением. Мало того, что он незаурядный поэт, замечательный музыкант, он же необыкновенно умен, фантастически эрудирован, обладает хорошим вкусом, у него блистательные мозги. Словом, многожды поцелован Богом... Я еще надеюсь, что Алеша, наконец, увлечется режиссурой — мы хотим поработать вместе.

— Потрясающе! Вы говорите об Алексее с таким восхищением и с такой любовью... Да при этом еще хотите работать вместе с бывшим мужем? Как-то все это плохо увязывается с вашим разрывом.

— Трудно объяснить, что же между нами случилось. Мы жили по-своему, расстались по-своему и теперь существуем тоже по-своему. К слову, в молодежной секции Дома актера мы как работали, так и продолжаем работать вместе. Многие коллеги не могут понять наших отношений... Как же так? Люди считают, что все должно быть «или—или»: либо мы врозь, либо опять вместе. Иногда я не выдерживаю и спрашиваю: «А вы хотели бы, чтобы при встрече мы хлопали дверью или выливали друг на друга кофе?» Но почему? Если б кто-нибудь из нас сейчас сказал про другого гадость, это означало бы только одно — что он перечеркивает 10 лет нашей жизни. А зачем же так делать? Разве можно этот кусок жизни вымазать детем, полить дерьмом и отрезать? Что же тогда от нее останется?

— Но большинство людей в подобных ситуациях не могут справиться с эмоциями и выплескивают свою боль, обиду...

**ЮЛИЯ РУТБЕРГ:
«КТО СКАЗАЛ,
ЧТО НАШ СОЮЗ
С КОРТНЕВЫМ БЫЛ
«НЕСЧАСТНЫМ СЛУЧАЕМ»?»**

- ТЕТ-А-ТЕТ -

спасла меня. Аленка — моя сводная сестра (дочь отца от первого брака), живущая сейчас в Лондоне, всегда бывала у нас в доме, а мы на все праздники и дни рождения ездили к ним. Потом у тети Саши родилась совершенно чудная Ирка, которую я тоже обожаю.

— *И вы никогда не ревновали своих мужчин к их прошлой жизни?*

— Чувство ревности посещало меня в других ситуациях. Например, когда хотелось, чтобы было, как в мексиканском сериале — «никто, кроме тебя», а мой мужчина — как мне казалось — уделял внимание другим женщинам. Или когда нас в течение длительного времени донимали звонками. Подхожу к телефону — молчат. И так 150 раз в день. От этого можно было сойти с ума. Мы даже поменяли номер. Алешка ведь был безумно популярен... А ревновать к популярности и детям — просто глупо.

— *Ваш сын родился в браке с вашим*

— И нам было больно и обидно. И я была не в силах сдержаться, плакала навзрыд, иначе бы меня разорвало... Но нас с Алешей всегда уважали — и вместе, и порознь. Так почему же, когда между нами произошло нечто, что является исключительно нашей личной проблемой, мы должны впасть в безумие, начать хамить и поносить друг друга? Раз уж встали на пьедестал красивой пары, вынесли это испытание, значит, должны вынести и другое — оставаться людьми после расставания.

— *Для вас не было другого выхода, кроме разрыва личных отношений?*

— Я максималистка. Разойтись было моим решением, которое затем стало обоюдным. Слава Богу, никто из нас не умер, никто смертельно не болен, мы до сих пор слишком много значим друг для друга. Просто жизнь так повернулась...

— *Правда ли, что причиной вашего развода стала гимнастка Амина Зарипова?*

— Нет. Это абсолютная неправда! Я ушла от Алексея, потому что полюбила другого человека! А врать Леше не могла. Но... Что было — то было.

— *Значит, ваша любовь закончилась?*

— Мне кажется, закончился очередной этап нашей жизни. Любовь ведь понятие многогранное. В разные мо-

менты она может быть страстью, привязанностью или жалостью...

— *Сейчас у вас период любви-дружбы?*

— Да, наверное, вы правы. Слава Богу, каждый из нас нашел в себе силы не «похоронить» другого. Хотя, конечно, это страшное испытание.

— *Вас называли красивой, но и... странной парой. Вы же с Алексеем редко бывали вместе, даже жили в разных квартирах...*

— Быть все время вместе — безумие. Я не смогла бы так жить ни с одним человеком. Да это и невозможно. И у меня много работы, и у Алешки. Спектакли, репетиции, концерты, гастроли... Естественно, за день мы виделись мало. Но обитали мы в одной квартире. Мы жили в том темпо-ритме, который приемлем для нас. И для меня, и для Лешки всегда было очень важно дело, которым мы занимаемся. Я знала, что он найдет возможность посидеть со мной, когда я учу пьесу, и потом проверить текст. А у меня хватало сил в период его депрессий говорить с ним ночи напролет, чтобы вместе решить, с чем ему завтра прийти на репетицию «Несчастливого случая»: распускать группу или нет. У нас был по-настоящему творческий союз. Мы любили разговаривать, придумывали

проекты, идеи. И нам всегда было очень интересно друг с другом. Оч-чень...

— *По-видимому, теперь вам этого страшно не хватает. Может, все-таки стоило найти компромисс?*

— Нет. Искать компромисс — себе дороже. Хотя это действительно был один из самых значимых периодов в нашей жизни. И хорошего было гораздо больше, чем плохого. Мы были так по-настоящему преданы друг другу, так заботились о наших детях, не разделяя их на «твой» и «мой»... Я с нежностью отношусь к Алешкиному сыну от первого брака 14-летнему Теме, он — обожает моего Гришку (ему — 15). Мы много лет вчетвером отдыхали, исколесили полмира. И наши привязанности остались. Недавно Темка с Лешей были у меня на премьере и сидели вместе с Гришкой и моей мамой... В этом смысле родители так воспитали меня — жизнь не ограничивается физиологией. Мы же не хорьки. Если ты любишь человека, нормально любить и его ребенка от другого брака. По крайней мере, в нашей семье было именно так. Когда в грудном возрасте у меня начался страшный стоматит, я задыхалась и умирала, первая жена моего отца — потрясающая женщина тетя Саша — двое суток не отходила от моей кровати и

Юлия с Алексеем и сыном Гришей

СЕРГЕЙ ПЕТРУХИН

ТАРИСА КАМЫШЕВА

Юля с папой Ильей Григорьевичем, мамой Ириной Николаевной, бабушкой Еленой Александровной и сыном Григорием

первым мужем — Александром Кузнецовым, известным по фильму «Джек Восьмеркин — американец»?

— Да. Мне очень повезло. Я была почти Джульеттой. Первое сильное чувство оказалось взаимным, мы поженились, родили ребенка. И сейчас я рада, что в тот период моей жизни все произошло так, а не иначе. Потому что как может быть иначе, лучше узнавать потом. В этом смысле я была девочкой позднего развития. Мальчишек-одноклассников считала своими друзьями, и мои привязанности в большинстве случаев были платоническими. Даже если влюблялась, то несерьезно. Я бы-

ла очень впечатлительной, и объекты любви менялись раз в две недели. Один хорошо ответил по географии, другой поднял учебник, третий сочинил стихи, четвертый прокатил на речном трамвайчике... Этого было достаточно, чтобы, засыпая вечером в своей кровати, думать только о них. Но в 10 классе произошло важное событие — я первый раз поцеловалась с мальчиком и... мне это ужасно не понравилось. Помню ощущение: «Фу, гадость!» После чего взяла тайм-аут. А в 19 лет безумно влюбилась и вышла замуж.

— Родители не отговаривали вас от раннего брака?

— Нет. Они видели, как я была влюблена, и уважительно относились к моим чувствам. Поженившись, мы с Сашей жили у родителей. И вот это, скажу вам, была настоящая семейка Адамс. Все эмоциональные, импульсивные. Кому-то что-то не понравится — и уже крики до посинения. В этом смысле мы действительно похожи на итальянцев — никто не носит за пазухой никаких камней, зато каждый считает своим долгом выплеснуть эмоции на ближнего. До сих пор иногда ор в квартире стоит страшный. Ведь в нем принимают участие все! У нас нет людей, которые сачкуют. Слава Богу, это всегда быстро заземляется.

— С Александром вы вместе учились в Щукинском училище?

— Да, но он уже оканчивал его, а я только поступила. И сразу «вторилась». В училище есть традиция: первый курс обслуживает четвертый. Мы гладили им костюмы, ставили декорации. Словом, так тесно общались, что сразу три первокурсницы влюбились в четверокурсников. После чего Ксюша Стриж с Игорем Минаевым и мы с Сашей поженились, а Коля Стоцкий с Ирой Климовой были близки к этому... Тем не менее все потом разошлось.

— Женились по-студенчески?

— Конечно! Настоящая студенческая свадьба: с капустниками, поздравлениями, веселой гульбой. Я, правда, категорически отказалась от традиционного свадебного наряда. Мне почему-то казалось, что белые платья шьются в основном из занавесок и в этой кошмарной фате я буду выглядеть убого. Мой дядя, дипломат, в тот период работал в Вашингтоне, и его жена Наташа прислала мне шикарное бордовое платье, сделанное в голливудском ретро-стиле. К нему она подобрала такие же бордовые босоножки, а для волос — модные (только-только тогда появились!) резиночки с бусинками. Саше же прислали серый костюм и голубую рубашку в полоску. Мы были счастливы безмерно! Получили в загсе спецталон, в каком-то салоне у черта на куличиках отоварились. И вечером после этого сумасшедшего предсвадебного марш-фона я еще поехала в училище на

прогон этюдов, а Саша — на спектакль. Не знаю, как в тот день играл он, я же подошла к гимнастическому залу, поставила на пол свои сумки, легла на парту и... заснула. Измученная, синего цвета, я была похожа на цыпленка из кулинарии. На следующий день после свадьбы у меня был прогон спектакля в костюмах, а еще через день — экзамен. Ну ничего, осилила. Спасибо маме, папе, бабушке — они практически освободили нас от быта. Потому что понимали, как необходимо мне учиться и как важно Саше после училища попасть в «обойму» — он уже начинал работать в Театре на Малой Бронной.

— Почему Александр решил уехать в Америку?

— Он поехал по бизнес-визе, озвучивал там кино. А потом позвонил и сказал, что остается. Это было 11 лет назад, и Саша считал, что в нашей стране нет ни культуры, ни экономики.

— Вы тогда уже расстались?

— Нет, но все шло к тому. Его решение стало последней каплей...

— Ему удалось там реализовать?

— Он занимался в театральной студии, снимался в кино, сейчас пытается создать актерскую школу.

— А вас не звал к себе?

— Саша пригласил меня в гости, я поехала. Но поняла, что мне там делать нечего. Все чужое... При том что когда-то я учила и очень прилично знала английский. В этой стране надо родиться. А в 25—27 лет начинать с того, чтобы мыть посуду? Кем Саша был здесь и кем стал за эти годы там — несопоставимо. Я же человек очень самолюбивый. И предпочитаю быть первой в своей стране, нежели 1051-й — в Америке.

— С первым мужем вы прожили 6 лет, со вторым — 10. Хотя у вас перед глазами — замечательный пример родителей, которые вместе почти 40 лет...

— В отличие от нас они в прямом смысле были в ответе за тех, кого приручили: за детей, за своих родителей. Семья для них — на первом месте. Мама — то древо, та основа, без которой не состоялись бы мы с папой, не рос бы нормально Гришка. Мама была грандиозным педагогом по музыке. К ней приводили детей без музыкального слу-

МИХАИЛ КУЗНЕВ

ха, а через 7 лет они играли Моцарта и Бетховена. Но потом мама целиком посвятила себя дому, семье — ради папы, меня, Гришмана, бабушки... Наша семья ведь удивительная. Бабушка танцевала народные танцы, дедушка — классики. Папа был инженером, но увлекся режиссурой и пантомимой, до сих пор преподает. Мама — музыкант и певица. Я — актриса. Все мои замечательные мужчины были либо актерами, либо музыкантами. Естественно, ребенок

корчит рожи... К слову, бабушка еще когда-то преподавала даже кройку и шитье, потому что шила просто потрясающе. А у мамы великолепно получались вязаные вещички. Я с детства носила их. А когда стала заниматься фигурным катанием, мама связала мне фантастическое платье с лентой и к нему шапочку.

— В вашей жизни было фигурное катание? Что же, спорт не увлек вас?

— Я стала стремительно расти, быст-

ро переросла в классе многих мальчиков. Но увеличились нагрузки на кости — начались какие-то артриты или артрозы, развилась анемия, стало болеть сердце. И врачи запретили заниматься спортом. А в школе меня еще долго звали Айсбергом. Я была страшно высокая и такая длинноногая...

— Комплексовали?

— Ужасно! Тем более что у меня всегда был очень длинный нос. Мне казалось, есть только Буратино, и за ним — сразу я. Недавно, правда, один журнал придумал замечательный проект «Носатые красавицы», в который я попала. Но ведь надо было дожить до 36 лет, чтобы оценили! В детстве же я была гадким утенком. Смешная, неуклюжая. Надо мной подтрунивали. Так вот природа распорядилась мной: сначала вытянула, а потом начала как-то оформлять. Может, отчасти из-за внешнего вида я и была всегда мальчишницей. Обожала играть в войну, гулять на стройке...

— Почему — на стройке?

— Ну а что было во дворах? Грибки, качели. Скучно! На стройке столько всего можно было придумать. Мы играли в казаков-разбойников, устраивали на бетонных плитах показы мод... Гонялись друг за другом, потом сторож гонялся за нами. У нас была славная компания — в основном девочки, но настоящие оторвы! Мы до 10 класса играли в прятки. Я обожала прятаться, для меня это был наркотик. В школе уже началась тригонометрия, а мы с подружкой выходили в 9 вечера на улицу поиграть в прятки. Классики, резиночка, штандер, вышибалы — я любила подвижные игры, в которых есть какое-то действие.

— Родителям часто ввали?

— Старалась этого избегать, но иногда приходилось скрывать некоторые вещи. Увидев однажды в лагере, как мальчишки вовсю дымят, подумала: «Ну а я-то чем хуже?» Эмансипация —

страшное дело. Мне было 14 лет. Я затянулась, и меня — зеленую, с подозрением на дизентерию (не признаваться же!), отправили в изолятор. Но самый крупный обман моего детства случился из-за Гнесинской музыкальной школы. В какой-то момент меня до такой степени там все достало, что я позвонила учительнице и сказала, что лежу в больнице с аппендицитом, а родителям сказала, что учительница лежит в больнице с аппендицитом. После чего пошла и поступила в театральную студию к Спесивцеву. Через два месяца, когда я начала учиться в школе на колы и двойки, родители узнали правду. Они-то были уверены, что их дочь усердно занимается музыкой... Меня за уши оттащили от студии Спесивцева и строго-настрого запретили там появляться. Кстати, это единственное, что мне запретили родители. Но и в музыкальную школу я больше не вернулась. Хотя мама ужасно расстраивалась, так как я была одаренным ребенком.

— Странно, что родители запретили вам ходить в театральную студию!

— Это было неприятие творческих и этических норм Спесивцева, не более того. А так родители знали, что я хочу быть актрисой. Но в этом плане не пестовали меня. Просто хотели, чтобы я хорошо училась и выросла культурным, образованным человеком. Чтобы могла отличить Мане от Моне, знала, что Баха не читают, а играют, и слова: Шнитке, Пендереский и Букстехуде воспринимала как фамилии композиторов, а не как «реакцию Вассермана»... К слову, в Щукинское училище я поступила трудно, меня взяли только с третьей попытки. И там я долго мечтала о какой-нибудь главной роли. А мне как прикрепили амплиа характерной актрисы, так я и играла в 19—20 лет бабушек, собак, чемоданы, коробки... И вдруг — оканчиваю Щукинское, меня приглашают в Театр Вахтангова и дают глав-

ную роль в «Зойкиной квартире». Фантастика? Конечно! Образно говоря, мечтала об однокомнатной квартире, а оказалась в шикарных апартаментах.

— *Надолго?*

— После училища 7 лет выпускала в театре по две премьеры в год, а потом 4 сезона не было ни-че-го! Я дико переживала, чувствуя себя нелюбимым ребенком, которого бросила семья. Были и слезы, и битье посуды, и страшная агрессия к близким людям, вынужденным терпеть все это, и ненависть к себе... Мне вообще свойственно доводить себя до жуткого уродства. Я не крашусь, прихожу в театр «редиской», и — не смею говорить об этом — могу заплакать, заорать. Меня нельзя трогать, о чем-то лишний раз спрашивать. И все уже знают: сейчас Рутберг — фуфала, у нее такой период. Но это, конечно, крайняя степень отчаяния. Потом обязательно будет всплеск — я уеду в какой-нибудь Париж, постригусь, покрашусь...

— *Боюсь даже представить, какие были страдания, когда вас довольно долго не замечали кинорежиссеры.*

— Не угадали. Не было страданий. Я добровольно на пять лет ушла из кино, потому что без конца предлагали роли проституток, журналисток и врачей. Помните, какое было кино в начале 90-х? С ума можно было сойти. Если бы позвали играть проституток, как в картинах «Ночи Кабирии» и «Рим — открытый город», я бы просто побежала. Но у нас тогда была только чернуха, порнуха и дешевка. Мне не хотелось торговать лицом, не говоря уж обо всем остальном. К слову, то, что серьезно сниматься я начну поздно, мне напроорочил Александр Кайдановский. Мне было 22 года, когда он сказал: «У тебя такое несоответствие внутреннего мира и лица, что надо ждать до 30». Хотя сам пригласил меня на роль Нонки-дурочки в «Жене кесринщика». Полтора часа вместе с

примершей работал над моим лицом, сделал грандиозные фотопробы. Но... я отказалась, потому что пришлось бы уйти из двух дипломных спектаклей, а значит, подвести однокурсников. Кайдановский проклял меня. Он так обиделся, что год со мной не разговаривал.

— *Сейчас, когда его уже нет, жалеем, что отказались?*

— Нет. Меня так воспитали, что, если ты в команде, нельзя рушить все ради собственных интересов. Когда Наташа Коляканова, с которой мы в паре играем в «Чайке», заболела, я 14 спектаклей подряд заменяла ее, хотя у меня было кровоизлияние в связках, и я просто могла остаться инвалидом. У Михал Михалыча Козакова 6 раз танцевала на каблуках с новокаиновыми блоками на сломанном мизинце... А Юлия Константиновна Борисова вышла на сцену на следующий день после смерти своего мужа. Актеры вообще нередко играют и с сотрясением мозга, и с переломанными ногами... И с надломленной душой... Но, вы знаете, большого героизма-то в этом нет. В театре так принято.

— *Юля, вы с большим удовольствием говорите о театре, нежели о личной жизни. Но ведь сейчас у вас снова все хорошо — вы не одна...*

— Да, я не одна. Я — «вдвоем»...

— *Почему вы не рассказываете о своем любимом человеке, актере Анатолии Лобозком? Боитесь?*

— Конечно. Клясться не буду, но очень постараюсь не повторять прошлых ошибок. Жизнь ведь чему-то учит. В свое время мы с Алешей Кортневым слишком много рассказывали о нашем браке, о том, как нам хорошо вместе. И вот — результат... Теперь я понимаю, что нельзя трубить о своей личной жизни, это разрушает ее. Любовь, дом, семья — не публичные вещи, а камерные.

Татьяна ПЕТРОВА

«Наши родители в прямом смысле умеют быть в ответе за тех, кого приручили: за детей, за своих родителей, друг за друга... У нас так не получается»

МИХАИЛ КИЗЕВ